

ИСТОРИЯ Золотой век Испании

Интересные подробности об эпохе величия Испании можно узнать из книги **Жозефа Переса «Изабелла Католичка. Образец для христианского мира?»** (издательство «Евразия»). Это исторический очерк об Испании XV - XVI веков. Именно тогда завершилась 700-летняя Реконкиста (отвоевание христианами земель, занятых мусульманами), Кастилия объединилась с Арагоном, а Колумб открыл Латинскую Америку. Автор книги Жозеф Перес - видный специалист по истории Испании XV - XVI веков, руководитель Дома Пиренейских стран в Университете Бордо III.

«Нередко можно прочесть, что Испания превратилась в отсталую страну, - пишет в предисловии Жозеф Перес, - из-за злуполучной религиозной политики (изгнание арабов и евреев, инквизиция, предубеждение против экономической деятельности...) и все же существует немало причин, позволяющих объяснить подобную эволюцию только с экономических и политических позиций». Впрочем, причины эти Перес в книге так и не назвал.

Сейчас, как известно, в Испании экономический кризис, но в XV веке страна была могущественной европейской державой. Изабелла Католичка, королева Кастилии, и ее муж Фердинанд Арагонский, добились от папы создания инквизиции, изгнали иудеев и обязали мусульман Кастильской короны принять католичество. Перес объясняет это тем, что Изабелла и Фердинанд любой ценой стремились к единству веры. Впрочем, автор не скрывает своих симпатий именно к Изабелле, Фердинанду же оставляет роль соратника. Хотя в делах нелицеприятных (а именно - уже упомянутая инквизиция) Перес возлагает всю ответственность на Фердинанда.

Как считает автор книги, мнение, что до этого в Испании мирно сосуществовали три религии, - всего лишь «красивый, но ложный постулат». Главенствующие религии (ислам, а затем и христианство) терпели присутствие «иноверцев», но глагол «терпеть» в данном случае заключал в себе пренебрежительный оттенок. В эпоху конфликтов ситуация еще более обострилась. Сосуществование христиан, иудеев и мусульман, переставшее быть мирным, порождало беспорядки.

Декларируемой целью введенной в этих условиях инквизиции (церковного суда, подчиненного государственной власти) была защита ортодоксальности. На деле ее создали, чтобы накажать так называемых иудействующих (то есть иудеев, вынужденных формально принять христианство, но продолжающих тайно исповедовать свою религию). Жозеф Перес приводит статистику жертв инквизиции, подчеркивая, что количество пострадавших явно завышено, что религиозные конфликты в других европейских странах привели к гибели гораздо большего количества людей.

Можно ли винить Изабеллу в гибели коренных жителей Латинской Америки, открытой Колумбом (его экспедицию спонсировали католические короли)? Знала ли Изабелла о том, что индейцев открытой Колумбом «Инди» продают в рабство? Как воспринимали Изабеллу и Фердинанда их современники, а также французские историки последующих веков? Перес подробно и скрупулезно ищет ответы на эти вопросы.

Любила ли Изабелла мужа? Автор книги цитирует Вольтера: «Они (Фердинанд и Изабелла) не испытывали друг к другу ни любви, ни ненависти. Виделись они редко, у каждого из них был свой совет. Они ревностно относились к исполнению своих обязанностей, а королева вдобавок ревновала неверного супруга, отдававшего все высокие должности своим незаконнорожденным детям. Кроме того, Изабелле пришлось пережить смерть своего сына, наследного принца дон Хуана. За этим испытанием последовали другие: старшая дочь королева, ставшая супругой португальского короля, умерла год спустя, родив сына Мигеля. Мальша тут же провозгласили наследником Португалии, Арагонский и Кастильский корон. Но маленький Мигель тоже вскоре ушел из жизни...»

Все эти злоключения глубоко потрясли королеву, она стала меньше внимания уделять государственным делам. И ее, как женщину, легко понять.

Елена СЕРОВА.

Сказку не вспугнуть

проза

Книга Евгения Сулеса «Сто грамм мечты» (издательство «Книжный Клуб Книготек» - «Терра») - не о мечте, а о реальности, которая за ней открывается.

Горячее летнее небо здесь, в сумерках крон, даже не видно - оно сияет в зеркале маленького пруда, там, в глубине сада. Тишина. Одурающие пахнут цветы, а по воде, запутавшейся в стеблях травы, ползет муравей...

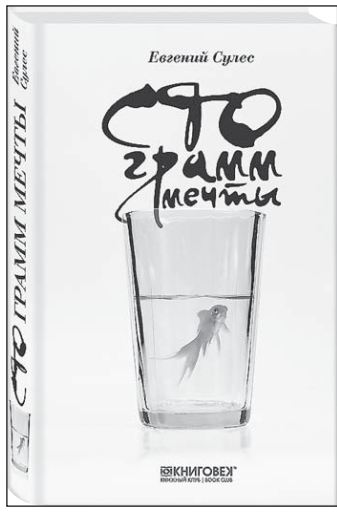
Разве это не правда? Разве это не большая правда, чем то, что это я в музее стою перед «Садом» Моне? Разве головокружение от истома нарисованного поднодия и запахов лета - не большая реальность, чем паркет под ногами?

И разве жизнь сердца, мечтания души, сны и фантазии, которые заставляют (или все-таки дают возможность?) пережить чувства, не отвешенные на безмене повседневности, - это не наша жизнь? Не наша настоящая жизнь?

И тут возникает вопрос: что с этой жизнью (или с этой частью реальности) делать? Как с ней обращаться? Замуровать? Нырнуть в нее, не посылв прощального приветя родным и близким? Попробовать устроить аттракцион поинтереснее и соединить миры, в которых живешь, не сильно травмировав ни один из них?

Книга Евгения Сулеса как раз об этом - о том, что таит в себе жизнь, если внимательно не отнесись к своему сердцу. Мечты, воспоминания, сны, видения и фантазии рассказчика существуют здесь на равных с бытовым функционированием. Один из разделов книги так и называется - «Сны». А повесть «Путешествие по моему сердцу» не оставляет сомнений в тографии художественного мира Сулеса - это бесконечный, такой же бесконечный, как та вселенная, в которой мы живем, космос человеческого нутра.

Но в отличие от привычных нам однообразных постмодернистских погрешек (а какие мечты и сны, если они не нашпигованы продуктами пере-

войдет в мои покои. Войдет в меня».

Сон? Фантазия? Сама плоть жизни, несмотря на мастерски спрятанный переключатель внутри рассказа, настраивающий читателя на игру с автором. Какая уж тут игра - скорее незримая стена, разделяющая плотный мир чувств и отравленный выхлопами воздух повседневности. Эта игра с переключением во многих рассказах Евгения Сулеса. Мучительная попытка выбрать реальную, а точнее - настоящую жизнь из тех двух, которыми живут герои, - похоже, и есть главная задача автора. Или это все-таки не попытка выбрать, а соединить, примирить, расширить ее границы до бесконечности?

Вот пьяница привычно напивается в грязном дешевом баре убогого городка («Ветер дует в другую сторону»), потом выводит на гадкую набережную вонючей речушки. И - «Под порывом ветра по небу пробежала большая туча, из ее краев опустились серебряные нити-лучи. По ним на землю заструились лунные пауки. Корабль во всем своем великолепии выплыл из тьмы.

- Прохожий, умоляю, рому! Я узнал голос. Я узнал корабли».

- Глухой, я все оставил в баре! - крикнул я. - Это я, ребята!.. Долго же вас не видел, заберите меня ангелы... Где вы пропадали, подонки?»

И скроенный для совсем другой жизни герой оказывается на борту пиратского судна. «Полади был бар, город, вонючая река и тридцать никчемных лет моей жизни».

И что здесь неправда? То, что пиратов нет в наше время? Ответ неправдивый. Неправда - жизнь, с которой не совпал герой. И разве таких историй мало? И разве радость героя, вырававшегося из несвоей судьбы, не сорвется наше сердце? Ведь то его знает, свою ли жизнь мы живем, то ли про- странство и время обучающему, и тот ли человек, что должен быть нам послан богом, пусть чай на кухне напротив вас?

Вообще попадание в свою судьбу, проживание своей, а не чужой жизни - видимо, единственный способ соединить два космоса - внешний и вну-

тренний. Иногда это попадание трагическое, но из него и не выкарабкаешься. Да, говорит Сулес, и не надо этого делать. Не случайная, а продиктованная логикой судьбы, ужасная смерть оказывается у автора важнее случайной жизни. Рассказ «Холм весны» об этом. Конечно же, с игрушкой-переключалкой внутри. На исходной позиции - Иван Иванович и Тамара Ильинична, которых соединяет бред румяного националистического православия. В том смысле, что оба - члены духовно-патриотического клуба. У обоих дети. Щелк! И декорации меняются. Вокруг них не единомышленники-антисемиты, а злые офицеры с очарками. Вроде бы нацисты, но при этом наши, русские, которые начинают пытаться героев. Главное обвинение - безумное. Якобы Иван Иванович и Тамара Ильинична на самом деле Исаак Моисеевич и Сара Абрамовна. Муж и жена, а еще у них есть дочь Рахиль. От неверия к ужасу, от ужаса к отчаянию, от отчаяния к принятию безумной ситуации, а от ее принятия - к высокому исполнению своей судьбы ведет автор своих героев. Заканчивается рассказ тем, что герои погробают захиво.

«- Прощай, Сара, - послышался доносящийся из-под небольшого слоя земли мужской голос. - Ты была хорошей женой, спасио тебе за все.

- Прощай, Исаак, - ответил женский голос.

А потом из-под земли раздался сначала тихий, а потом становившийся все громче мужской смех. Через некоторое время к нему присоединился женский и под конец - детский.

Земля шевелилась еще долгое время и замолчала».

Судьба исполнилась, превратив героев в Героев, а их ничтожную жизнь в Библейский подвиг.

Они не хотели. Такое могло только присниться. Или поудиться. Или явиться в температурном бреду, когда грипп наваливается, как тяжелый и душный куль из старых одеял.

Но что-то подсказывает - все правда. И та, главная, книга, нитки из переплета которой повдигал автор, чтобы прошить свое повествование, - тоже.

Екатерина ДАНИЛОВА.

переводы

Что мы, россияне, знаем о стране изумрудных пастбищ - Ирландии? Это родина великих писателей, рок-музыкантов и вкусного темного пива. Еще из школьной программы вспомнится жуткий голодомор в середине XIX века и последовавшее за ним массовое переселение в Америку. Впрочем, бедность, имевшая место всего полвека назад, уже отступила. Невиданный экономический бум обрушился на патриархальные устои островитяев.

Мудрая политика привлечения инвестиций, благо «свободной экономической зоны», трудолюбивый народ - все это интересует многочисленных международных корпораций. И как результат - Ирландия мощно «идет в гору» - строит дороги, предприятия, инфраструктуру, дает рабочие места и гарантии.

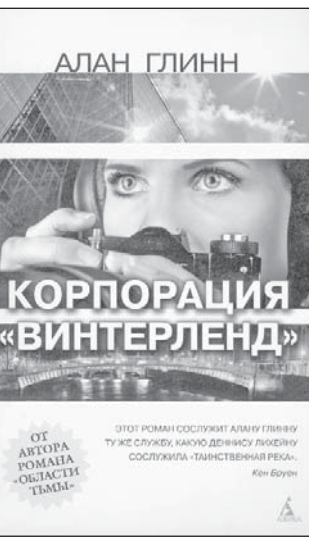
Вот, правда, не все могут совладать с собой при виде протекающих мимо огромных денежных потоков, и у них появляется соблазн пустить часть в собственный карман. Чудной негативной стороне «ирландского Чуда» посвящен роман Алана Глинна «Корпорация «Винтерленд», издательство «Азбука», перевод с английского Елены Лидовской.

Нечистоплотные бизнесмены проводят крупные махинации, связанные с высотной застройкой столичных (дублинских, естественно) территорий. Как и положено в подобных случаях, здесь замешаны высшие государственные чиновники и рядовые исполнители - «круговая порука и заговор молчания». Корни зла уходят в Америку, ведь там самая большая ирландская община, в несколько раз превосходящая население самой страны. Таков фон остроумного, по-американски «жесткого» романа Глинна. Это вовсе не детектив, кто убийца, понятно с первых страниц книги, читателю

Ирландский подход

разгадывать особо нечего. Что достигается приемом авторского всеведения, позволяющего читателю погружаться во внутренние монологи как представителей сил добра, так и зла. Главное в романе - психологическое противостояние героев и всемирного руководителя корпорации, представляющего интересы еще более могущественных финансовых сил.

Своеобразен расклад сил битвы. С одной стороны, герои - девушка Джина и ее друг Марк - абсолютные беззащитные и неуверенные в себе люди. С другой стороны, босс, ввязавший в болоте закулисных переговоров, собственной алчности и душевного нездоровья. Каноническая иллюстрация деформации личности, уничтожающей себя самого постоянной гонкой за все большими и большими деньгами. В общем, силы противников примерно равны, поэтому битва будет долгой и с переменным успехом. Особой нужды вдаваться в подробности финансовых афер нет. Джина расследует убийство своего брата и невольно вмешивается в интересы злуполучной корпорации и стоящих за ней лиц. Она и Марк могут противопоставить военизированной охране фирмы только свое непреклонное желание добиться истины, справедливости и, как ни странно, непредказуемости поведения. «Волкодавы» на службе фирмы не могут догадаться, чего им ждать от доведенных до отчаяния людей. Вообще в этом романе все развивается не по пред-

усмотренным планам. Эскапады нелепых и нелепых действующих лиц приводят к неожиданным поворотам сюжета, что само по себе очень занимательно.

Когда-то Марио Пьюзо в «Крестном отце» выдвинул серьезнейшую нравственную дилемму (и сделал это просто блестяще) - можно ли в поисках правосудия обращаться к силам зла? Такой же провокационный прием, заставляющий симпатизировать преступнику, применит Глинн. Джина, осознав бесперспективность обращения в полицию - «следствие закончено, забудьте», просит помощи у бандитов - ирландских братьев.

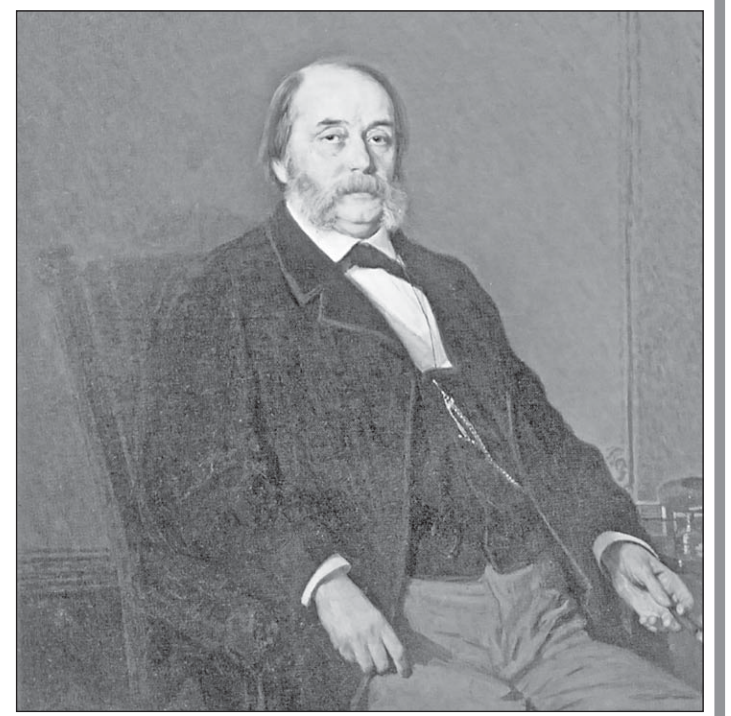
Сталивая «плохий» с «отвратительными», Глинн иногда добавляет комических мизансцен в духе «черного юмора» (с упоминаниями и подобной атрибутикой, если кого-то это еще веселит).

Смешанные чувства от недоверия до сострадания охватывают читателя при погружении в размышления министра Ларри Болджерта, еще одной одиозной фигуры лагера зла. Это насквозь лживая, напыщенная личность, с такими мелкими и тщеславными желаниями, что гордым ирландцем под предводительством такого «политика» просто жалко. Поэтому и сочувствуешь Джине в ее стремлении разгромить осиное гнездо зарвавшихся бизнесменов и чиновников, вывести их на чистую воду, ну, а кроме всего прочего, ирландцы чем то так похожи на нас.

Александр ПЛЕТНЕВ.

Вспоминая Ивана Гончарова

Почему все романы Гончарова начинаются на букву «О»? А образ Обломова до сих пор остается загадкой? И каким человеком был сам Иван Александрович Гончаров, который на портретах кажется вялым и скучным?

Разбираясь в этих вопросах, писатель Игорь Золотуский заходит в ресторан, который по странному стечению обстоятельств называется «Обломов», заказывает чашку дымящегося кофе, задумывается и, вообразите, видит перед собой Ивана Гончарова.

Так начинается четырехсерийный телевизионный фильм «Три «О» Ивана Гончарова», подготовленный к юбилею писателя телеканалом «Культура». Игорь Золотуский (он автор фильма) и Иван Гончаров (его образ воплощает актер Юрий Каюров) разговаривают не только о сочинениях Гончарова. Нет, нет. Из XIX века они перемещаются в век XXI.

- А что моя любимая литература? - вдруг вопрошает Гончаров.

- Увы... В школах собираются ее отметить как обязательный предмет. Стало быть, отменяет и Пушкина, и Толстого, и вас, - с грустью признается Золотуский.

- Ну, это уже не Россия, - недоумевает Гончаров. - Хотя моего Обломова, кажется, помнят. Но почему именно Обломов существует так долго, переживает условия, которые его порождают?

- Думаю, условия эти мало изменились. И не только у нас в России. На Западе Обломов едва ли не самый известный литературный персонаж наряду с толстовской Анной Карениной, - говорит Золотуский. - Цитируют одного из немецких писателей: «Одни считают, что «комплекс Обломова» - источник экономического застоя или даже добровольного отказа человека от самостоятельности. Другие усматривают в нем предостережение общественно-полезных эретиков, которые защищают гуманный начало от нападков утилитаризма и примитивного материализма».

- Как мне нравятся эти «другие», - восклицает Гончаров.

- А немецкий режиссер Шредер, - продолжает Золотуский, - еще категоричнее: «Иван Гончаров давно похоронили, но его Обломов жив, более того - он никогда не был таким живым, как сегодня».

- Но... «ars longa, vita brevis» - искусство вечно, а жизнь коротка. Если davvero мудрость права, то и я жив, - улыбается Гончаров.

Конечно, не только виртуальный диалог... Съемочная группа фильма во главе с режиссером Александром Шувиковым совершила путешествие по местам, связанным с именем Гончарова. Это Ульяновск, бывший Симбирск, родина писателя. Это Московский университет, где Гончаров учился

в 1879 году на Дворцовой площади в Петербурге такой же, как Волохов, недоучившийся студент Соловьев в упор пытался расстрелять императора (к счастью, все пять

К хору критики примкнул и Достоевский. «Расеюшка, старая бабусенька», смеялся он над «Обрывом».

- Сочиняя «Обрыв», я надеялся, что демагогия не перерастет в преступные действия, - признается Гончаров, продолжая виртуальную беседу в ресторане «Обломов». - Но когда в 1879 году на Дворцовой площади в Петербурге такой же, как Волохов, недоучившийся студент Соловьев в упор пытался расстрелять императора (к счастью, все пять

Дети любят сказки - это факт, да и взрослые, иногда с интересом читают подобные произведения. А вот придумать и написать сказку так, чтобы она понравилась и взрослым, и детям, нужен настоящий талант. И этим даром без сомнения обладает **Наталья Щерба**. В 2010 году она завоевала Гран-при конкурса «Новая детская книга» в номинации «Приключения и фантазия» с произведением «Часовой ключ для Василисы». В издательстве «Росмэн» эта книга вышла под названием «Часовой ключ».

Это произведение - первое в трилогии - рассказывает о жизни девочки Василисы. Неожиданно она узнает, что ее отец - могущественный маг-часовой планеты Эфлара. Попав в этот волшебный мир, Василиса оказывается втянутой в большую и сложную игру. Ей предстоит выяснить, кто же она такая: обычная девочка или могущественная часовщица, обладающая даром управления временем.

Итак, поверните стрелку часов, и волшебный мир часодейства откроет вам свои тайны! Автор придумал замечатель-

путь прошли мимо), я понял, что ошибся.

- Вы ошиблись в жизни, но не ошиблись в романе, - не соглашается Золотуский. - Ведь вы сами называете обрыв «бездной». Вспомните, как Бабушка, потрясенная несчастьем, случившимся с Верой, выходит из дома и бродит по пустому полю, «как будто смотря в глаза своей беде... Ей наяву снилось, как царство ее рушилось и как на его месте легла мерзость запустения».

- Не требуется специальной оптики, чтобы разглядеть, что это явь и нашего века. Господа, для которых «ничего не свято», нас и сегодня, - шивят среди нас и сегодня. Они живут в высоких креслах, вещают по всем СМИ и состоят советниками при больших чинах.

Они граждане мира, и мир им ближе, чем собственное отечество. Они знают две-три цитаты из Джефферсона, но совершенно не знают страны, в которой живут. И потому подталкивают ее к обрыву.

Как вы думаете, спасется Россия на этот раз?

Гончаров уходит от прямого ответа. Вдруг вспоминает, как художник Крамской писал его портрет.

- Это было еще после «Обрыва». Я не хотел, я сопротивлялся. Я, наконец, отказался. Но вдруг на выставке я увидел его картину «Христос в пустыне»... и я согласился позировать. И портрет мне понравился. Крамской «добыл у меня что-то из души, и да то он был великий мастер, и сказал твердым голосом: «Нет! Я умру... Сегодня ночью я видел Христа, и Он меня простил».

В финале фильма Золотуский приводит слова друга Гончарова, известного адвоката Алексея Федоровича Кони: «Я посетил его за два дня до смерти, и при выражении мною надежды, что он еще поправится, он посмотрел на меня увеличившимся взглядом, в котором еще мерцала и вспыхивала жизнь, и сказал твердым голосом: «Нет! Я умру... Сегодня ночью я видел Христа, и Он меня простил».

Татьяна ЗЕМСКОВА.

И тайком сбежать туда, ну и, конечно же, поединки на стрелах. ...Лет десять назад, прочитав первую книгу Джона Роулинга «Гарри Поттер и философский камень», мне захотелось поскореекупить вторую книгу о Поттере. Помню, что читала я их запоем. Но приключения мальчика со шрамом на лбу в седьмой книге, увы, закончились. И тут - прекращаясь сказки, от Натальи Щербы «улетекательный и волшебный мир часодейства»!

В книге «Часовой ключ» вы найдете и захватывающие приключения, и яркие образы, и прекрасные живые диалоги, и интригу, которая держит на протяжении всего произведения. В сумме же получается полноценный приключенческий роман. И, на мой взгляд, его будет интересно читать не только девочкам и мальчикам, но и их родителям. Так что у Натальи Щербы получился достойный ответ Джону Роулингу и ее Гарри Поттеру!

Майя АЛЕКСАНДРОВА,
5-я стр., 23 июля 2012 года, «МОСКОВСКАЯ ПРАВДА»

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВ

«Азбука», «Азбука-Аттикус»
Кырк Мэтью. 500. Роман. Перевод с английского Н. Флейшман. 384 с.

«Астрель»
Котова Елена. Третье яблоко Ньютона. Роман. 350 с.
Тарошина Славя. Рожденные телевизором. 440 с.

«Астрель», «Полиграфиздат»
Солнцева Наталья. В храме Солнца деревья золотые. Роман. 382 с.

«Иностранка», «Азбука-Аттикус»
Несбё Ю. Тараканы. Роман. Перевод с норвежского Т. Чернококовой. Серия «Лекарство от скуки». 432 с.

Леметр Пьер. Алекс. Роман. Перевод с французского Т. Источниковой. Серия «Лекарство от скуки». 448 с.

«Колибри», «Азбука-Аттикус»
Миллер Артур. Империя звезд, или Белые карлики и черные дыры. Перевод с английского Т. Тихоновой. Серия «Galileo». 496 с.

«РИПОЛ классик»
Волшебные сказки Ингушети. Составление и литературная обработка М. В. Базоркина, под общей редакцией М. Б. Гадзиевой. Художники А. И. Базоркина, Я. Седова. Серия «Волшебные сказки со всего света». 200 с., ил.

Несс Патрик. Вопрос и ответ. Перевод с английского Е. Романовой. Серия «Поступь хаоса». 496 с.

Хуцишвили Кристина. Deviant. Роман. 256 с.

«Эксмо»
Астахов Павел. Невеста. Се-

рия «Астахов. Адвокатские романы». 352 с.

Вольская Илона, Кащеев Кирилл. Хадамаха, Брат Медведя. Серия «Сивир». 416 с.

Каас Патрисия. Патрисия Каас. Жизнь, рассказанная ею самой. Тень моего голоса. Перевод с французского И. Ю. Крутичева. Серия «Уникальная автобиография женщины-эпохи». 288 с., ил.

Корпан Марина. Бодифлекс: дыши и худей. Серия «Стройное тело с Мариной Корпан». 160 с., ил.

Куликова Галина. Милая неженка. Роман. Серия «Галина Куликова. Романтическая история». 288 с.

Михайлова Евгения. Вечное сердце. Роман. Серия «Детектив-события». 320 с.

Монталван Лус Карлос. Пока есть Вторник. Удивительная

связь творца и собаки, способная вызвать чудеса. Перевод с английского И. Е. Соколовой. 352 с., ил.

Самарский Михаил. Формула добра. Повесть. Серия «Приключения необычной собаки». 224 с.

Украина. Перевод с английского М. А. Крузе. 320 с., ил.

Устинова Татьяна. Один день, одна ночь. Роман. Серия «Первая среди лучших». 352 с.

«Эксмо», «Домино»
Оливер Лорен. Делириум. Роман. Перевод с английского И. Русаковой. Серия «Жестокие игры». 400 с.

Роллинс Джеймс. Дьявольская колония. Перевод с английского С. М. Саккина. Серия «Книга-загадка, книга-бестселлер». 560 с.

«Никогда не бывает достаточно...»

История любви

Почему мужчина, добившись успеха, бросает женщину, пережившую вместе с ним бедность и трудности становления? Почему в любви не действует принцип «старый друг лучше новых двух»?

Эти риторические вопросы невольно приходят в голову после прочтения книги **Пола Маклейн «Парижская жена»** (издательство «Астрель»). События в романе описаны так же, что и в широко известном произведении «Праздник, который всегда с тобой», но от лица первой жены Эрнеста Хемингуэя — Хэдли. Фабула проста: знакомство, жизнь в Париже, рождение ребенка и... развод. Эрнест ушел к лучшей подруге жены — Полине. Впрочем, через некоторое время он бросил и ее.

Мир хемингуэевского Парижа 1920-х — это мир вина, надежд и путешествий. Это создание первых литературных опытов, знакомство с известными в ту пору литераторами, такими, как Алистер Кроули, Эзра Паунд, Франсис Скотт Фицджеральд, Форд Мэдокс Форд, Хилер Беллок, Жюль Паскин, Дос Пассос, Перси Льюис, Джеймс Джойс и Гертруда Стайн. Мир Хэдли — тот же, но иной. События те же, эмоции — другие.

Так почему происходит любовь? В книге «Парижская жена» Эрнест рассказывает о том, что Хэдли: «Ты начинаешь с кем-то жить, ты любишь этого человека, и кажется, что тебе этого до-

статочно. Но никогда не бывает достаточно, разве не так?»

Один мой успешный знакомый сказал однажды, что «моногамия — это не вариант, а необходимость». Значит ли это, что «альфа-самцы» (Хемингуэй, без сомнения, был таковым) изначально не могут быть верными? Ведь у них слишком широкий выбор, слишком много возможностей для измены и очень много претенденток на роль очередной жены...
Впрочем, некоторые социальные психологи считают, что институт брака в его нынешнем виде вообще изжил себя, что невозможно всю жизнь прожить с одним и тем же человеком: вступив в брак, люди живут рядом, но развиваются в разных направлениях, меняются их вкусы, интересы, убеждения, внешность... А значит, на разных этапах жизни у мужчин и женщин должны быть разные партнеры. То есть приемлемой должна считаться последовательная смена браков (что сегодня и происходит в реальности). Вот только из-за нашей демографической ситуации женщины в возрасте за 30 после развода

часто остаются одинокими, а «смена партнеров» — привилегия мужчин, даже не слишком успешных.

Разумеется, мужчины воспринимают «Парижскую жену» по-своему. Вот какой отклик об этой книге я нашла в интернете: «Он — зашкваренный на себе и собственном творчестве эгоист, склонный к перепадам настроения и не умеющий засыпать в темноте. Она — наивная ментальная идеалистка, всю дорогу допускающая непростительные ошибки: мешала ему работать («ах, надо ездить в командировку, я буду скучать»); потеряла его бумаги (результат трехлетней работы); заблуждалась, что не беременна; и не вовремя забеременела... Финал закономерен: никто не жаль. Если же говорить собственно о книге, то она, конечно, становится невыносима, когда скатывается в любовный роман и описание женских переживаний, но резко оживает, когда речь заходит о парижских тусовках (с участием Паунда, Стайн, Фицджеральда, Зельды и т. д. и т. п.) или о событиях, которые легли в основу «Фиесты». В целом заниматель-

ный эксперимент: интересно, насколько точно в деталях текст соотносится с реальной историей, а насколько — плод фантазий Маклейн».

С последней главой я полностью согласна. Статьи по версии Маклейн, уходило от первой жены Эрнест не хотел. Он хотел... жить втроем, что не устраивало, разумеется, ни Хэдли, ни ее подругу-разлучницу Полину. На мой, женский, взгляд, сказались другие причины: Хэдли стойко переносила бедность, была поглощена ребенком, не уделяла достаточно внимания одежде, у нее не было собственного дела, работы. Центром Вселенной для нее был муж. Быть может, поэтому во взаимоотношениях с Хэдли для него пропал элемент игры и «охоты»? Быть может, именно поэтому яркая, эффектная Полина (внешне — противоположность Хэдли) привлекла его внимание? Но не смогла удержать надолго...
Пусть мужчины смеются, но лично я с интересом читала именно описание женских переживаний, а не тусовок, и уж тем более Фиесты. Слишком много алкоголя и агрессии.

Елена СЕРОВА.

Эрнест ушел к лучшей подруге жены — Полине. Впрочем, через некоторое время он бросил и ее.

Мир хемингуэевского Парижа 1920-х — это мир вина, надежд и путешествий. Это создание первых литературных опытов, знакомство с известными в ту пору литераторами, такими, как Алистер Кроули, Эзра Паунд, Франсис Скотт Фицджеральд, Форд Мэдокс Форд, Хилер Беллок, Жюль Паскин, Дос Пассос, Перси Льюис, Джеймс Джойс и Гертруда Стайн. Мир Хэдли — тот же, но иной. События те же, эмоции — другие.

Так почему происходит любовь? В книге «Парижская жена» Эрнест рассказывает о том, что Хэдли: «Ты начинаешь с кем-то жить, ты любишь этого человека, и кажется, что тебе этого до-

Время никого не обманывает

впечатления

История нового романа **Галины Артемьевой «Невеста трех женихов»** (издательство «Эксмо») еще раз показывает: чем сильнее творческий продукт, тем проще вписаться в авторский замысел. Свой роман она хотела назвать «Женихи». Его фабула выражена просто и понятно: юность — это когда человек предает сам себя. Два любящих человека называют друг друга ласково: «дуррица», «дебил». Только став матерью, женщина понимает, насколько же раним ее любимый. Решается сказать ему, что чувствует себя виноватой.

Г. Артемьева — необычный писатель. Своих «сфотографированных» из жизни героев она понимает и опекает по-матерински. «Тогда, получается, у каждого свое. И все мы большие, — грустно подытожила Света». Вслед своему персонажу автор приводит успокаивающую мудрость: «Один из величайших даров человечеству заключен в том, что мы ничего не знаем о том, что будет с нами хотя бы минуту спустя. Не говоря уж о днях, неделях, месяцах...»

В каждом новом романе Артемьевой удивляет знание жизни. Невольно ищешь ответ на вопрос: откуда автор подпитывается информацией? Как находит уходящую точку и в забытом прошлом, и в неиспробованном настоящем?

Г. Артемьева — добрый писатель. Жизнь знает хорошо, но ход повествования обязательно выводит на позитив. Фабула романа строится на основе жизни женщины по имени Светлана. Ее русская героиня к ужасу итальянского стоматолога обходится без анестезии: нет времени, муж ждет. Категорически отказывается от нынеч, отвращая чуждые идеи: жена должна быть всегда отдохнувшей и готовой ублажать мужа.

В романе есть откровения об уходящей эпохе: «Хотим мы того или нет хотим, но — нигде не денешься: наше время ужметса до крошечного иглыного ушка, и в него, в это малюсенькое отверстие, будет заглядывать любопытный или равнодушный глаз того, кто придет вслед за нами. Он может увидеть чудовищные злоде-

яния, которые вызовут стремление отвернуться от жестокого века, проклясть его, забыть; он может учуять гнилостное зловоние городов-монстров, на человеческих свалках которых зарождались чудовищные болезни и дявольские идеи.

Но все-таки... все-таки... Если тот, кто захочет посмотреть, будет терпелив и мудр, он разглядит и другое: какой бы долгой ни была ночь в XX столетии (как, впрочем, и в любом другом), на смену ей неизменно приходит день.

Он ощутит тепло любви ушедших навсегда людей, поймет цену их верности и порадуется силе ненастной надежды.

Спасибо времени! Оно никого не обманывает.

Оно дает только те куски, которые мы можем проглотить. И только тогда, когда это необходимо.

Но если человечество нетерпеливо жадничает, как неразумное дитя или владающий в бесстыдстве детства старик, если род людской начинает сеутиваться, стремясь собственными кровавыми усилиями добиться общественного совершенства, на которое щедрое неторопливое время отпускает столетия, случаются непоправимые трагедии — войны, революции.

Стоит ли восклицать: «Ужасный век!» Мы сами делаем время ужасным.

За что и платим дорогой ценой.

По замыслу автора Г. Артемьевой, так пишет ее героиня Света своей подруге.

Галина Артемьева — популярный и успешный писатель. Удивительно работоспособна. Каждая ее новая книга несет надежду на понимание.

В книге случаются стихи. Немного и к месту. Это может быть Некрасов: «Было двенадцать разбойников, / Был Кудератаман. / Много разбойнички пролили / Крови честных христиан».

Есть и авторский ответ на вопрос для любого для нас, жителей страны Россия — где мой дом и что это: «Домой! / А где теперь мой дом? / А может, в воздухе ночью? / В прощанье скошенной травы? / Средь опадающей листвы? / И адрес: / Осень. Листопад. / Откуда птицы улетят, / Чуть-чуть начнутся холода... / Ты долго будешь там? / — Всегда...»

Читайте сами, думайте сами, сколько вам нужно женихов для полноты жизни.

Лев МОСКОВКИН.

Возвращение на родину

переводы

Судьба некоторых книг бывает так же сложна и причудлива, как и биография их авторов. В 1925 году Алиса Зиновьевна Розенбаум, изучавшая философию и литературу в Петроградском государственном университете, получила визу для поездки на учебу в США. И осталась там навсегда. Сменив свое имя на американизированный псевдоним **Айн Рэнд**, начала работать статистом в Голливуде. Четыре готовых киносценария, которые она привезла из России, не заинтересовали американских продюсеров. Несколько лет она перебивалась на всевозможных временных работах: официанткой, продававшей газетные подписки. Пока ей не удалось продать одной кинокомпании сценарий фильма «Красная пешка» за полторы тысячи долларов, что на тот момент было очень большой суммой. Эти деньги позволили ей оставить работу и сосредоточиться на литературной деятельности. И успеха ей добиться удалось. На Западе она известна не только как писательница, но и в качестве создательницы философии объективизма, основанного на принципах разума, индивидуализма, разумного эгоизма.

И вот через столько лет безвестности для российского читателя она, уже после своей смерти, вернулась на родину своими книгами. Правда, переведенными с английского и под псевдонимом Алисы Зиновьевны Розенбаум. Несколько лет назад был переведен роман, который она считала своим главным литературным достижением, — «Атлант расправил плечи», а недавно издательство «Астрель» выпустило книгу с эффектным названием «Муж, которого я купила». Эта книга представляет собой первую часть сборника, в которой вошли ранние произведения писательницы. Как пишет составитель Леонард Пейкофф, книга составлена из расчета, что почитатели таланта Айн Рэнд смогли бы узнать, какие этапы она прошла на пути своего литературного развития.

Открывает книгу повесть «Муж, которого я купила». Ее главная героиня, Иран, чем-то напоминает некрасовскую женщину. Она, конечно, не оста-

навливает никого на скаку, но, не раздумывая, жертвует состоянием ради спасения любимого, а потом, когда любимый остается, она уходит в никуда:

«Генри, — прошептала я, — ты никогда не узнаешь. И не должен узнать. Будь счастлив всегда... Я проживу эту жизнь с одной вещью, с тем правом, которое будет всегда принадлежать лишь мне, — с правом сказать, что я люблю тебя... и буду любить до самого конца.»

Эта повесть не поражает достоверностью характеров и сложностью сюжета, но ее героиня обладает такой цельностью характера и верностью своим идеалам, что ее вполне можно поставить в один ряд с другими героинями классической литературы.

Кроме этой повести, в книгу также вошли несколько рассказов, напоминающих не совсем удачное подражание О'Генри. Повесть «Красная пешка», представляющая собой первое исследование вопроса свободы личности и диктатуры государства. В этом произведении личные отношения парадоксальным образом перекликаются с жизнью общественной. Только вообразите себе такой любовный треугольник: страстная женщина, ее возлюбленный — антикоммунист и преданный делу партии коммунист, которого она должна соблазнить, чтобы спасти жизнь своего возлюбленного. Конечно, от открывающей книги повесть это отличается весьма сильно, однако и здесь все положительные герои обладают удивительной цельностью, верностью своим идеалам.

Завершает книгу два отрывка, не вошедшие в окончательный вариант романа «Мы живые», в котором писательница выражает свое отрицательное отношение к советской власти и советскому образу жизни.

Конечно, собранные в книгу произведения ранней Айн Рэнд особыми шедеврами не являются и представляют интерес скорее для специалистов-филологов и литературоведов, нежели для широкого круга читателей. Но так или иначе возвращение Айн Рэнд на родину все-таки состоялось.

Александр СЛАВУЦКИЙ.

былое

Ныне Пресненский район — один из самых элитных в Москве. Это и фешенебельные жилые дома на Зоологической улице, и исторический центр города в окрестностях Большой и Малой Бронных, Большой Никитской и Поварской улиц, и Тишинская площадь с ее супердвором Торговых центров «Тишинка». В дореволюционные же годы Пресня представляла собой тихую городскую рабочую окраину, и ее территория ограничивалась Большой Пресненской улицей (ныне улица Красная Пресня), Средней Пресней (ныне улица Загореннова) и Нижней Пресней (ныне Рочдельская улица) и окрестными переулками. Этой местности и посвящена книга **Александра Бакулина «Секреты Красной Пресни»** (издательство «Эксмо»).

Автор рассказывает об исторических зданиях и людях, чьими трудом они были созданы. Ситцевая фабрика «Трехгорная мануфактура»... Ее владельцы Прохоровы... В книге подробно рассказано об этой купеческой династии, о том, как со временем менялась жизнь на Прокоровской фабрике, о недовольстве рабочих тяжелыми условиями труда. То же и о мастеровском Московско-Брестской железной дороги, чьи корпусы до сих пор видны забором, танцующим вдоль Пресненского вала.

Забастовки, нелегальные собрания, митинги на Пресне конца XIX — начала XX века и конкретные люди, принимавшие «МОСКОВСКАЯ ПРАВДА», 23 июля 2012 года, 6-я стр.

Как Пресня стала Красной

участие в строительстве баррикад и вооруженном восстании. День за днем автор восстанавливает хронику событий осени и начала зимы 1905 года. Сотни и сотни фактов, многие из которых ранее не были известны. Организация декабрьского восстания, его пик и поражение. Завершает описание событий 1905 года на Пресне А. Бакулин словами: «Так закончилась малая гражданская война в Москве и на Пресне, в которой каждый ее участник считал себя правым. Но правил в этой войне не было».

Автор далее рассказывает о суде над участниками восстания на Пресне, об их дальнейшей судьбе. Особое внимание он уделяет судебному делу Николая Шмита, владельца фабрики, содействовавшего восставшим, его гибели и дальнейшей судьбе его семьи, друзей и соратников по революции 1905 года.

Заключает свою книгу А. Бакулин словами: «Вот мы и узнали частичку нашей истории. Нужна ли была революция и можно ли было ее избежать?... А может, все произошло простое стечение обстоятельств? Думайте сами».

Но чтобы начать думать, надо сначала прочитать это историческое исследование о Пресне, которая в декабре 1905 года от пролитой крови стала Красной Пресней.

Михаил ВОСТРЫШЕВ.

монография

Издательство «Rosebud Publishing» выпустило монографию «Кубрик», в которой профессионально исследуется творчество Станли Кубрика. Этому труду повезло быть первым переведенным на русский изданием из множества подобных исследований, посвященных прославленному режиссеру.

Автор книги Джеймс Нэрмор преподносит своего героя как одного из последних представителей чистого киноискусства раннего периода, модер-

ниста европейского образца интеллектуала, которого игра разума всегда интересовали больше, чем голливудские законы кассовости.

Хотя на счету Кубрика имеется вполне соответствующий канонам блокбастера «Спартак», на съемках которого он мучил оператора своими творческими исканиями, постоянно перекрывая на ходу сценарий и вовлекая конфликтующий с Дугласом-старшим, который не только играл главную роль, но и был продюсером этой ленты. Впрочем, после этого оскоронозного фильма Кубрик покаялся братья только за те проекты, где решающее слово всегда остается за режиссером.

У Нэрмора Кубрик представляет одновременно последним титаном раннего, экспериментального, чистого гротескного кинематографа и провозвестником современного некоммерческого кино, арт-хауса и фильмов Тарантино. Потребуется немалый запас уже имеющихся знаний о кино, чтобы оценить изящные авторские умозаключения и провокации. Для простых любителей кино книга может показаться иногда излишне дотошной и академичной, зато многочисленными ценителями творчества Кубрика из разряда знатоков имеют шансы испытать в процессе чтения немалое удовольствие.

Ольга ШАТОХИНА.

КУБРИК

Романтический настрой толкнул Паустовского к сочинительству. И в первую очередь к стихам. Свои стихи Паустовский писал Бунину, и мэтр ответил юному поэту, что он «поет с чужого голоса». И далее Иван Чухеев ответил: «Думается, Ваш удел, Ваша настоящая поэзия — проза. Именно здесь, здесь вы сумеете проявить достаточно упорство, уверен, сможете достичь чего-нибудь значительного».

Но по житейским обстоятельствам (необходимости зарабатывать на хлеб) Паустовский забросил поэзию и обратился к журналистике. Обработав все газетные специальности — от репортера до очеркиста. Затем из журналистики пришел в литературу. Первая книга — «Морские рассказы», за ней роман «Блистающая облака». И снова возник Бунин. Он прочитал «Повесть о жизни» Паустовского и вычленил из нее одну главу. И тут же написал письмо автору: «Дорогой собрат, я прочел Вашу рассказ «Корча на Брагинке» и хочю Вам сказать о той редкой радости, которую испытал я: если исключить последнюю фразу этого рассказа («под занавес») он принадлежит к наилучшим рассказам русской литературы».

Паустовский был демократом в истинном смысле слова. Никогда не считал народ выделом, а верил в его прозорливость и мудрость и в тот энтузиазм, с которым он строил новую жизнь. Не подосоконивал его, не апподировал. Умудрился в период культа личности не написать ни одного хвалебного слова о Сталине. Позднее, после разоблачения культа, сказал Виктору Некрасову: «Сталин — обыкновенный пахан, вожь в законе, и все, что делалось в государстве, делалось по законам уголовного мира». Сказано это было в 1966 году до перестройки...

Сталинщину Паустовский переживал тяжело, особенно

аресты и исчезновения друзей-писателей. Самого Паустовского не тронули. Ну, а в части критики — недостатка не было. Как говорится, критиковали в хвост и в гриву. Бичевали Паустовского за скрываемою приверженность к романтическому творчеству Александра Грина, объявленного чуждым писателем для России. Паустовский решительно отказывался воспевать тему социалистического строительства, он не хотел превращаться, как он говорил, в «индустриального дрозда», — никакого «Цемент» и никаких призывов: «Время, вперед!»

Паустовский всегда старался находиться подальше от столицы, от ее идеологических битв и богемно-светской судей. В Тарусе Паустовскому удалось выпустить альманах «Тарусские страницы» — некий интеллектуальный вызов официальной власти. «Я страшно завидую Паустовскому, — восклицал Каверин. — Завидую тому, что тот никогда в жизни не солгал. Ни одной фальшивой строчки нет в его творчестве. Не солгал потому, что обладал даром, многими утерянным, — внутренней свободой...»

В последние 15 лет Паустовский чаще всего выступал как публицист и защитил родную природу от неразумной и хищнической охоты к ней. Бился и за сохранение культурного наследства.

А как радовался Паустовский появлению новых талантов. В письме к Казакевич он спрашивал: «Читали ли Вы рассказ молодого писателя Юрия Казакова? Очень здорово! Вот вам и настоящая смена».

«При всем своем успехе и признании жил он грустно, как каждый, кто богат здоровьем, а Паустовский был не только богат, но даже нищенски беден. Но он стойко переносил и свою астму, и то, что иногда надолго приходилось откладывать перо в сторону, а перо для него, как для каждого истинного писателя, было стилем жизни» (Владимир Лидин. «Страницы полдня»).

Бронхиальная астма долго, десятилетиями, шла за Паустовским, потом рядом, все норovia забывает вперед... Из-за болезни Паустовский не мог присутствовать на похоронах Бориса Пастернака, ибо многого шептаться, как вспоминала Лидия Чуковская.

В 1968 году, в разгар нападки на Юрия Любимова и на Таганку, Паустовский проявил акт гражданского мужества и позволив главе правительства Косыгину: «С вами говорит умирающий писатель. Я умоляю вас не губить культурные ценности нашей страны. Если вы считаете с работы режиссера Любимова — погибнет большое дело...» Любимов оставили на месте.

Константин Паустовский умер 14 июля 1968 года, незадолго до вторжения советских войск в Чехословакию, и легко себе представить, какую боль принесла бы старому и большому писателю растерзанная «пражская весна».

Более четырех десятилетий как нет с нами Паустовского. «Я очень любил тогда Паустовский, — признавался Владимир Амлинский. — Он был одним из самых любимых писателей моего поколения; в казенном и скучном книжном мире он был островом цветущей травой. На этом острове творилось чудное человеческое отношение, разлук и встреч... Он был своего рода интеллигентно прекрасного, романтического Юрия вокруг был труден. Неокрепшая душа, видимо, нуждалась в природности, в том, что Атаров позднее назвал «вотром с цветущих берегов». Кроме всего прочего, у него был уникальный дар популярности. Толкователя ее. Чело-вак, умеющего передать вкус и цвет чужого слова...»

Продолжая, можно сказать, что в каждую свою книгу Паустовский вкладывал некую золотую розу добра и красоты.

Юрий БЕЗЛЯНСКИЙ.

Золотая роза добра

Неужели к Паустовскому тоже применимо изречение древних: Sic transit gloria mundi — так проходит земная слава?

В разгар всеобщей популярности Паустовского Вениамин Каверин размышлял: «Почему так любит Паустовского? Почему его книги неизменно вызывают чувство нежности, глубокой симпатии? Чтобы пробудить такую любовь, надо находить в человеческом сердце то самое светлое, что давно потеряно в шумные времена, в суете ежесдневных забот».

Может быть, в этом и ответ. Шум времени стал оглушительным, суетою ежесдневных забот зашкаливает, сердце человеческое очерствело, и человеку сегодняшнего дня не до книг, не до литературы и уж подавно не до Паустовского. Возможно, я ошибаюсь, но сложилось личное ощущение того, что на дворе совсем иное время, «золотая роза» Паустовского отцвела, интрига увяла, милые подробности и очаровательные детали мало кого ныне волнуют. Все стало жестче и проше. Мамона затмил все человеческое и все литературное. Наступил мрак.

Дотошные исследователи генеалогического древа Паустовского утверждают, в пересечении кланов Паустовских, Высочанских и Тенновых были представители разных национальностей: украинцы, турки, чехи, поляки, эстонцы, шведы и немцы, — шипучий коктейль... Мать писателя происходила из интеллигентной польской семьи среднего достатка. Отец, потомок запорожских казаков, был железнодорожным статистиком.

Будущий писатель Константин Георгиевич Паустовский родился 19 (31) мая 1892 года в Москве, однако его детство и отрочество прошли в Киеве. Семья распалась, с 14 лет юноша жил вне ее. Учился в классической гимназии, и далее был университетом, который Паустовскому казался застенком: «Меня одолевала жадность к жизни. Я бросил университет, начал учиться и менять профессии. Я был кондуктором трамвая в Москве.

Началась война. Меня уволели за то, что я бесплатно возил раненых солдат. Я ушел санитаром на фронт... С фронта меня выслали за оскорбительный отзыв о Николае Романове...»

Затем работа токарем на заводах южных городов. Одесса. Газета «Маяк». «Был голод, но люди смеялись в будущее кипело вокруг, каждый день был талантлив и свеж... В Одессе я впервые начал писать. Тогда в Одессе начинали писать Бабель и Катаев, Ильф и Олеша, Багрицкий и Гехт. Я никогда не забуду работу Бабеля над словом. Я наблюдал ее и понял, что каждое слово заключает в себе великие опасности и вместе с тем великие возможности для писателя. Для точного владения словом нужен беспощадный вкус, строгость».

Вся дальнейшая жизнь Паустовского связана с постоянными перемещениями по стране. В 1923 году он обосновался в Москве, но писательство неустанно звало его в дорогу. Он объездил моря и пустыни, леса и горы, спускался в шахты, летал на самолетах, плавал на лодках — и все в поисках людей, в постоянном поиске живых, прекрасных черт новой жизни, как он выразился сам в одном из автобиографических эссе.

Паустовский — романтик, романтическая натура, недаром одна из его книг так и называется — «Романтики» (он начал писать эту книгу в 1916 году, а выпустил в свет лишь в 1935-м). Романтик — это прежде всего оптимистичный человек, подмечаящий все хорошее вокруг себя.

Романтический настрой толкнул Паустовского к сочинительству. И в первую очередь к стихам. Свои стихи Паустовский писал Бунину, и мэтр ответил юному поэту, что он «поет с чужого голоса». И далее Иван Чухеев ответил: «Думается, Ваш удел, Ваша настоящая поэзия — проза. Именно здесь, здесь вы сумеете проявить достаточно упорство, уверен, сможете достичь чего-нибудь значительного».

Но по житейским обстоятельствам (необходимости зарабатывать на хлеб) Паустовский забросил поэзию и обратился к журналистике. Обработав все газетные специальности — от репортера до очеркиста. Затем из журналистики пришел в литературу. Первая книга — «Морские рассказы», за ней роман «Блистающая облака». И снова возник Бунин. Он прочитал «Повесть о жизни» Паустовского и вычленил из нее одну главу. И тут же написал письмо автору: «Дорогой собрат, я прочел Вашу рассказ «Корча на Брагинке» и хочю Вам сказать о той редкой радости, которую испытал я: если исключить последнюю фразу этого рассказа («под занавес») он принадлежит к наилучшим рассказам русской литературы».

Паустовский был демократом в истинном смысле слова. Никогда не считал народ выделом, а верил в его прозорливость и мудрость и в тот энтузиазм, с которым он строил новую жизнь. Не подосоконивал его, не апподировал. Умудрился в период культа личности не написать ни одного хвалебного слова о Сталине. Позднее, после разоблачения культа, сказал Виктору Некрасову: «Сталин — обыкновенный пахан, вожь в законе, и все, что делалось в государстве, делалось по законам уголовного мира». Сказано это было в 1966 году до перестройки...

Сталинщину Паустовский переживал тяжело, особенно

аресты и исчезновения друзей-писателей. Самого Паустовского не тронули. Ну, а в части критики — недостатка не было. Как говорится, критиковали в хвост и в гриву. Бичевали Паустовского за скрываемою приверженность к романтическому творчеству Александра Грина, объявленного чуждым писателем для России. Паустовский решительно отказывался воспевать тему социалистического строительства, он не хотел превращаться, как он говорил, в «индустриального дрозда», — никакого «Цемент» и никаких призывов: «Время, вперед!»

Паустовский всегда старался находиться подальше от столицы, от ее идеологических битв и богемно-светской судей. В Тарусе Паустовскому удалось выпустить альманах «Тарусские страницы» — некий интеллектуальный вызов официальной власти. «Я страшно завидую Паустовскому, — восклицал Каверин. — Завидую тому, что тот никогда в жизни не солгал. Ни одной фальшивой строчки нет в его творчестве. Не солгал потому, что обладал даром, многими утерянным, — внутренней свободой...»

В последние 15 лет Паустовский чаще всего выступал как публицист и защитил родную природу от неразумной и хищнической охоты к ней. Бился и за сохранение культурного наследства.

А как радовался Паустовский появлению новых талантов. В письме к Казакевич он спрашивал: «Читали ли Вы рассказ молодого писателя Юрия Казакова? Очень здорово! Вот вам и настоящая смена».

«При всем своем успехе и признании жил он грустно, как каждый, кто богат здоровьем, а Паустовский был не только богат, но даже нищенски беден. Но он стойко переносил и свою астму, и то, что иногда надолго приходилось откладывать перо в сторону, а перо для него, как для каждого истинного писателя, было стилем жизни» (Владимир Лидин. «Страницы полдня»).

Бронхиальная астма долго, десятилетиями, шла за Паустовским, потом рядом, все норovia забывает вперед... Из-за болезни Паустовский не мог присутствовать на похоронах Бориса Пастернака, ибо многого шептаться, как вспоминала Лидия Чуковская.

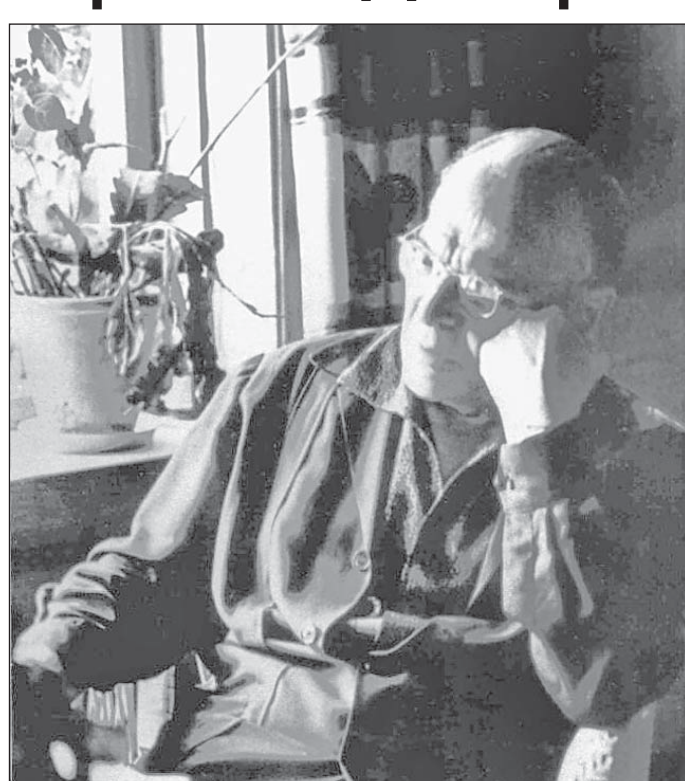
В 1968 году, в разгар нападки на Юрия Любимова и на Таганку, Паустовский проявил акт гражданского мужества и позволив главе правительства Косыгину: «С вами говорит умирающий писатель. Я умоляю вас не губить культурные ценности нашей страны. Если вы считаете с работы режиссера Любимова — погибнет большое дело...» Любимов оставили на месте.

Константин Паустовский умер 14 июля 1968 года, незадолго до вторжения советских войск в Чехословакию, и легко себе представить, какую боль принесла бы старому и большому писателю растерзанная «пражская весна».

Более четырех десятилетий как нет с нами Паустовского. «Я очень любил тогда Паустовский, — признавался Владимир Амлинский. — Он был одним из самых любимых писателей моего поколения; в казенном и скучном книжном мире он был островом цветущей травой. На этом острове творилось чудное человеческое отношение, разлук и встреч... Он был своего рода интеллигентно прекрасного, романтического Юрия вокруг был труден. Неокрепшая душа, видимо, нуждалась в природности, в том, что Атаров позднее назвал «вотром с цветущих берегов». Кроме всего прочего, у него был уникальный дар популярности. Толкователя ее. Чело-вак, умеющего передать вкус и цвет чужого слова...»

Продолжая, можно сказать, что в каждую свою книгу Паустовский вкладывал некую золотую розу добра и красоты.

Юрий БЕЗЛЯНСКИЙ.

Оценка Ивана Бунина — это высший балл.

У него была своя ниша: писать о красках, о лесах, о людях — знаменитых и неизвестных. Писал опозитизированную «прозу жизни». Не будучи ни в коей мере писателем религиозным, Паустовский был писателем по сути своей христианским, если вспомнить, конечно, что такое Христос, Любовь, понимание, милосердие и прощение. Ну, и, конечно, природа